

18+

Товарищ, Это

Заветная радуга

Товарищ Эхо

Заветная радуга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31507575

ISBN 9785449065322

Аннотация

Психоделический Китеж-град, уходящий под великие воды Океана молчания в коммунитарном смирении каждой его эго-единицы. Теплотрассы, вырастающие в безлюдных лесах и ведущие к далеким Заповедным Заводам, выплавляющим Нового Человека в горнилах покорённого солнца. Паровозы духа, вгрызающиеся в вечную мерзлоту – создать Великий путь по ту сторону полюсов. Все эти мелочи невыразимы словами. Но мы их потешно вылепили в Явь. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

[Ржавое солнышко]	5
[Пролог]	6
[...я вырос ещё...]	7
[...искры памяти моей...]	9
[Вселенная осень]	11
[Писк Vi]	12
[Лицом к стене]	13
[Черный прямоугольник на сером фоне]	17
[...за стеной...]	19
[Красный космос]	21
[Разноцветное безоглядые]	23
[Песни золотых рыбок]	24
[Страна чудес]	26
[Космическая вахта снегирей]	28
[Пусты]	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Заветная радуга

Товарищ Эхо

© Товарищ Эхо, 2020

ISBN 978-5-4490-6532-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

[Ржавое солнышко]

С изнанки лица сочился ядом карамельный нарыв,
По венам спешил-бежал гранатовый сок,
Человечек потешно дышал, выхлёбывал небо навзрыд,
Леденцовую пулю сосал – впрок.

И были, были-небыли алые зеркала,
И машинка сердца скреблась наружу.
Кто горел/горел – сгорал дотла;
Чтобы молодой землёй согреться – выдыхал стужу.

Мы росли из стальных листов, из стальных листов,
Мы питали корни от подземных вод,
Выдували марши паровозных гудков,
Ждали вечный бой, пили вешний мёд.

Кто прорывал железный кованый простор неба – с теми
я и я,
Сам синевою недр не нагляделся впрок:
Но прежде чем зачать лунное дитя,
Приходит тот, кто хорони'т земную плоть.

[Пролог]

Когда еще не было меня
В этих глубинных осмыслых сугробах,
Когда не оставлял еще следов
Мой лукавый украдкой ботинок,

Мой потешный дырявый ботинок
В вашей рыхлой жирной земле,
Обильно приправленной ложью,
Обильно вскормленной солью,

Над благой и бесплодной землицей,
Взнузданной человечешкой,
Названной человечешкой,
Выпестованной из пустого, застышего, лишнего, —

Только эхо металось над твердью,
Только эхо носилось над водами,
Билось телом о стены незримые,
Становилось молчанием боженки.

[...я вырос ещё...]

Я вырос ещё,
На стальные плечи солнечных великанов карабкаясь,
Выманивая солнышко румяным калачом,
Его лучи стальными рукавицами обламывая.

Человек не пыль, человек не вошь,
Бережёт он тень, он хранит свой сон.
Он простирается разлаписто над миром,
И весь мир ему становится: что в ладошку зёрнышко.

Так и я, и мы вместе,
Выше безмерного меру меряем,
Где дымные облака наших надежд клубятся,
Где со звёздами спорят дерзания наши.

И вот уже небо клеветает на человека,
Швыряет ему в пух и прах свои пророчества,
Бесчинствует заповедями и догматами.
Запрещай, небо, бей в тишину своими набатами!

Мы стальными мускулами землю покрыли,
Чтобы в твои лица глядеть свободно.
Как прошлое – прошлому.
Как человек – своему отражению.

Нам нет нужды в дозволении,
Чтобы брать от свободы кусками.
Чтобы вгрызаться в плоть свободы,
Чтобы на чьи-то дары надеяться.

Все имеет свою цену:
Пустоты тела, заплаты на рубахе,
Времени глазницы пустые,
И даже сочная березовая пуля,

Выпущенная в звезды.
И я ходил по миру, маялся,
Всё искал тебя, человек, великан,
Всё искал тебя, всё...

[...искры памяти моей...]

Искры памяти моей
На полотнища твоего неба брошены
Звёзд брызгами.
И само небо —
Запорошено,
Ласками взглядов человеческих заласкано
Точно женщин мяса, точно – мотыга,
Ладонью великаньей натруженная,
Нужная.
Под бесстыдным небом живём,
Ещё не дети, но быть смеющие
Смелыми, смыслы за грудки берущие
Руками мыслей своих,
Умеющие.
В плато собственного опыта уместившиеся —
Доить человеческое по капле
Из бездушного, из звериного,
Рваться разумом за горизонты,
Над солнцем смеяться
Звонко.
От пакли
Облаков надземных
Отпадаем, резвые,
Механику вселенных балующие.

Мы – те, кто материю рвали
На куски атомов,
Те, кто в бесконечность рос,
Ликующие,
Ветроволосые,
Для жизни большей – вовне,
Где космос сам
К порогу духа нашего
Восходил,
Босый.

[Вселенная осень]

земля, листопадом пожранная,
пожарной листвой укрыта,
бледные лица – порознь,
осень города неумытая.
где-то между вселенного зрячества
происходит великое дело:
из биения воли человеческой
скложить цельное богово тело.
в собственных мыслях следит машинерия
сочетание разных друг другу разумов.
от в материи духотворения
к воплощению в целом взят азимут.
так листва облетает напрасная
укрывать наготу земли девичую.
замирает осень красная
за мгновенье до шага к величию:
белой бездны, безмолвия белого.
а над небом созвездия носятся.
как и мы – продолжения тела
космоса
и
одиочества.

[Писк Vi]

Всякие дела творятся/
События происходят потоком,
Наслаиваются друг на друга, плодятся,
Спешат над моей макушкой пернатого пилота,
Когда я отступаю по птичьим следам,
Когда я укрываюсь ветвями, точно перьями,
Косматого не-ба исполненный сам,
Тщедушными цепкими суевериями.
Город запахами облепил меня,
Следы оставил царапинами:
Седые, чтобы, ине'я,
Я шедше по-над отцами и матерями:
В человеческом теле информационной искрой
Оседают звёздные семечки.
Бесплодные, точно коматозный рой
Насекомых, выпестованный _своим_ безвременьем.

[Лицом к стене]

Легкие полны будничной мокроты.
До рвоты
напряжены гортани
связки и
утром
все эти литании,
левитации, пощады, площади
!ФЛЮОРИСЦИРУЮЩИЕ ГАЛЛЮЦИНАЦИИ!
засаленные,
граненые стаканы глаз окраин
пусты и бесплодны,
как страсть кастрата.
Так
тяжелой поступью
посуху
шагают
цивилизаций
кондовые догматы.

Нищие
высыпали
в пыльной рванине
к ногам ее швырять
позолоченные фантики,

мостить крестцами проспекты;
а дети
собрали все-все
историй конспекты
и запалили новое солнце
развалин.
подвязали исподнее бантиком
на потеху почтенной публике,
сторговавшей за рублики
индальгенцию собственной плоти
крайней.

Самая непыльная несвобода —
добровольный отказ от ответственности.
за каждый свой шаг...
только последний дурак
задумывается о последствиях
большой жратвы,
новой жертвы
жатвы во ржи
на крысиных бегах.
этажи
новостроек в спальных районах
населены поклонниками
жрецов смерти,
самими покойниками,
расслоение проходит по острию собственности,
вещанию эфира,
клира,

мере лжи.

Эпоха внештатных ситуаций,
Провокаций,
Таких же бесцельных акций —
Войнушки ради войны;
Ржавые гвозди в неба косяке...
Кто дал тебе имя человечество? —
В стаде овечьем
Запертые ревнител
И поборники
Целеполагаемой нравственности,
Эксперты чужих помоев.
Я вижу история
с победным воем
повернула в сторону
все тех же граблей
(ведь все, что ни происходит,
происходит не с нами,
между явью и снами,
заваленные гробами
лестничные клетки
убоявшихся ответить правдой
себе)

Я не думаю, что во всем этом есть
какой-то особый смысл.

Едва ли...

Проще в небылицы детские верить,

чем в очередную позицию
озвученную
политической Камасутры,
в на зубах навязшие сутры
средств массовой информации
любой формации —
у каждого свои цели,
нам проще разрушить мосты,
забить окна,
запереть все двери,
дождаться, когда из души
к чертям уберутся звери
и останутся
твари,
но чьи?

[Черный прямоугольник на сером фоне]

путеводные костры
расхристанные, христовые,
как на расчерченной намертво дощечке
имени своего каракули вывести;

сушеные каракумы жевал,
сплевывал лихо сквозь зубы, дурень,
а все-все пушки/ружьишки/танчики
ветром взъерошило, и понесло

стаей воробьиной над лесами-полями-весями,
змеем развеселым бумажным над куполами,
над маковками, под ногами твоими
широкой походке сватанными.

и было оружие словом, а слово было
как слава,
как колокол,
как легкое покалывание в сердце на выдохе,

когда от алого к букварю ниточка протянута,
когда в одеяле – дырочка-морока,
в которой – пальчики в кулачки и – инеем.

и если ты не достаешь ногами

до спасительной голой веточки,
дождись меня, дружочек,
повиси еще вечность-другую,
все тут будем, одним словом – навывлет.

[...за стеной...]

За стеной из света святые все ослепшие
Озорными зрачками солнышки крошат потешные,
И сами – голопузые и неспешные —
В недра собственного взгляда вглядываются;

Такими настойчивыми потухшими зрачками
Глядятся и глядятся, путаясь снами,
Но видят тени и теней тени – тёмный рай, камень,
Где пальчики из руковичек как хоботки шевелятся.

И от этих пор мне смеялось радостно,
И от этих глаз – отливало солоно,
Маялось по малому в радужную сторону,
Где солнечные корабли стукались о скалы.

Тихие великаны ступали по снегу, неслышно
Ни шага, ни голоса их, ни дыхания. Вышло
Из трёх дверей по две девы, друг другу подобных лицами
И очерченному по скулам оскалу.

Из трёх дверей по два зверя вышло, порознь живых
И мертвых порознь; промеж них
Их тел дыхания механизм
Знаки чертил посредством пара.

Время спеклось в уголках губ...
В каждом живом теле копошился труп,
Руки грел землёй у тепловых труб.
Небо раздавало снег даром.

[Красный космос]

Красный космос широк и прозрачен,
Густы-густы твои косы,
Моя голова наполняется тенью
От возраста тенью, от умолчания.

Выше луны объятия пламени,
Бездонны-бездонны твои глаза:
Я криком и птицами тени питаю,
Пером я и пухом тело укрою.

Я слушаю, слышу, но голос не вечен;
Я наблюдаю железную птицу
В небе широком, нашу сестрицу,
Стальной иголкой пронзающей космос.

Мне ветер ответит: «я знаю о смерти;
Что смерти страшится – то не живое.
Ты тёплой птицей к небу восходишь».
Вижу я звезды в глаз твоих бездне.

Красный октябрь греет ладони,
Клюют неба зёрна тёплые птицы.
Падают зёрна в землю густую,
Земля прорастает алеющим солнцем.

[Разноцветное безоглядые]

Бледные березкины коленки,
Бездонные озёр глазёнки.
Великая ловля души человеческой на живца.
Великое смертное делание алого поднебесного колеса.
Если мне смеялось, если мне хотелось
Брызнуть в шарики поднебесные из тела
Хохотом, криком, красным лихим присвистом.
Тело в строю вытягивалось коромыслом
И на берег распахнуто шлепало.
Густое, сытное, давилось клёкотом.
Все бежали из него прочь и глаза, и губы.
Несли дыхание, устранившись трупа.
Стояли надо всеми бледные несмертные комиссары,
Безымянные контролеры вселенского пожара.
Прорастала стеблем плоть к великой жатве.
Всякий человек разбежался надвое.

[Песни золотых рыбок]

Время вспять: понарошку баюкать империю;
Понарошку топить потрохами красные печки.
И тонкие мальчиговые пальчики
Тыкать в ружьишкины дульца

Такие-такие как девочкины смешки
В затхлых дедушкиных застенках.
А потом, а потом под самое утро
Шелудить незаконные семечки,

Голодные семечки ковырять из землицы;
Лепить на далёкие лопасти радуги
Заплатки цветные, нелепые,
На её облезшие детские ранки.

Как подорожник. Как пыльный листок
На погожей осенней улице,
Когда тебе слишком юно,
Когда тебе слишком тесно.

Когда тебе все ещё можно жить,
И нестись над землёй и верить:
В потешное бесцельное бессмертие
Сквозь границы границ и города.

Где наши глаза юных?
Где наши сердца певчих?
Где наша отроческая безоглядность
Веры в то, что аквариум можно

Уничтожить однажды, скоро,
Когда кончится время и старость,
Когда выгорит лживость и жадность,
Когда мы не успеем проснуться.

[Страна чудес]

В МОИХ ЗАПОВЕДНЫХ, В МОИХ
волшебных местах – слова, и снега, и
ёлок хищных тяжелые лапы...
наваливаются, вызолоченные насквозь,
точно лучики солнечные, чертят веснушки
на мордочке остроконечной
в моих заповедных, волшебных, моих,
где с треском хребет льду ломает
лихая людина, вселенной погодок.
я теплые комочки несет в кармашках —
крототные солнышки пятнышки,
попевки птички, пёрышки, лапки...
плевочки;
пятаки и монетки помельче,
как рыбёшка в литровой банке,
как человечек, нарисованный углем
на стене в уборной.
мы огонь бережем промеж вечного побоища,
среди стройных бесцветных мышинных отрядов,
оторопевших от сгустков патриотизма и
лихости, налипших на пальцах чумазах,
копошащихся в мясах и грязях.
мы свои бережем че и фе,
сердца червивого стуки и

звуки вольно, когда над головой распахнулось
и бахнуло! вселенским колоколом, колом
встало горла поперек: то ли песня,
то ли тёплое благодарение
вселенской потехе, живущей в моих
заповедных, волшебных,
В МОИХ

[Космическая вахта снегирей]

По земле кургузой обугленной
Ветром носило космический мусор,
Подошвами солнечными следы чеканило
По косточкам и безымянным могилам.

Заносило светом остановки трамвайные,
По жестяным козырькам меряло
Бремя простого человеческого счастья,
Прошлому юному телу положенного.

А мы оставались весны дезертирами,
К далеким лесам бегущими юности
По прошлогодним сугробам и просекам,
Голос грядущего тихий баюкая.

А мы оставались бескрайними птицами,
Везде до зари не успевшими, ярыми,
Подобно ранению неукротимыми,
Осколкам невольным подобно бескрылыми.

И космосом билось огромное сердце,
Для всех и для каждого было – единое,
А ветер – дурак – потешался над мусором,
Землѐй засыпал все пути к отступлению.

[Пусты]

Кровь живая и красная

По стальным стремится артериям...

Нам весь свет вселенной сделался враз нестрашным.

Мы разума стальная кавалерия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.